ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-9

А. В. Малышев
член Союза краеведов России и действительный член общества
"Нижегородский краевед"
ma2502@mail.ru

К ВОПРОСУ ПРОИСХОЖДЕНИЯ КУРГАНОВ-МАРОВ В НИЖЕГОРОДСКОМ ПОВОЛЖЬЕ

В статье на основании письменных источников и народных преданий выдвигается версия происхождения курганов-маров расположенных в Нижегородском Поволжье.

Ключевые слова: Нижегородское Поволжье, курганы-мары, археология, традиции и верования мордвы.

На I-ом съезде археологов России, состоявшемся в 1869 г. в Москве, известный исследователь Нижегородского края П. И. Мельников поделился своим мнением о происхождении многочисленных курганов, находящихся в губерниях Среднего Поволжья. Он полагал, что данные рукотворные насыпи, называемые местными жителями «марами», имели характер сторожевых, или намогильных насыпей, а также служили для подсчета личного состава русского войска, когда полководец «каждому ратнику приказывал насыпать шапку земли и сваливать ее в одно место». В своем докладе П. И. Мельников упомянул местные легенды, связывающие происхождение курганов с походом Ивана Грозного на Казань в 1552 г., и указал, что местные жители, надеясь найти в курганах клады или богатые захоронения, пытаются копать их, но ничего кроме углей, осколков глиняной посуды, а в некоторых случаях частей человеческого скелета, не находят. П. И. Мельников лично инициировал раскопки некоторых маров, удостоверив скудность находок в них (Мельников-Печерский, 1871. С. 159–162).

Уже на этом съезде прозвучали сомнения в прямой связи данных курганов-маров с походами русских армий, так как изучение многочисленных курганов показало их разнообразие: это могли быть и могильные насыпи, и сторожевые, могли совмещать эти функции, а также могли служить ориентирами. В последнем случае естественные природные холмы можно легко принять за курганы (Труды…, 1871. С. XIL–XL, LXXVII–LXXVIII). Предположение же П. И. Мельникова об использовании таких сооружений в качестве пунктов наблюдения или для подсчета воинов не выдерживает никакой критики.

Тем не менее, о насыпях-марах в пределах Среднего Поволжья закрепилось мнение, связывающее их с походами Ивана Грозного на Казань. Этому способствовало широчайшее распространение народных сказаний об этом походе. Данную версию происхождения

курганов-маров повторили такие исследователи русского похода на Казань в 1552 г., как Н. Миролюбов и И. Милотворский.

Н. Миролюбов утверждал, что курган у села Онучина указывал на путь Ивана Грозного и называл мары «обыкновенными памятниками его станов» (Миролюбов, 2005. С. 194, 200). В свою очередь Милотворский впрямую связывал наличие маров со следами царского похода, полагая, что таким образом царь подсчитывал количество солдат своей армии. Каждый боец ссыпал в одно место шапку земли, и по величине холма определялось число воинов. В другом месте исследователь, ссылаясь на народные предания, говорил, что это могилы солдат, погибших в походе (Милотворский, 2005. С. 210, 212–213, 218–220). Потом уже и П. И. Мельников в своем исследовании о походе Ивана Грозного через южную часть Нижегородской губернии, ссылаясь на народные предания, указывал, что мары были насыпаны войском Ивана Грозного (Мельников-Печерский, 2005. С. 181, 186. 187). Подобная точка зрения на происхождение курганов-маров до сих пор в ходу в краеведческой среде.

Ее пытался опровергнуть в свое время профессор А. М. Орлов. Он высказал мнение о том, что мары-курганы на самом деле являются могилами кочевников, заселявших южную часть современной Нижегородской области. А. М. Орлов указывает, что множество курганов находилось в окрестностях татарских селений Нижегородской области, что, по его мнению, свидетельствует о том, что на этой территории не позднее конца XIV – начала XV вв. были зажития тюрок-кочевников, а обряд захоронения в курганах-марах был распространен среди кипчаков (половцев) в эпоху язычества, до принятия ислама. С распространением ислама среди народов Золотой Орды эти языческие обряды уже не выполнялись (Орлов, 2023).

Идея о том, что мары являются древними захоронениями, не нова. Раскопки маров на нижегородской земле проводились уже в XIX в. исследователями П. Мельниковым, Л. Далем, А. Гациским, В. Майновым. По рекомендации I археологического съезда, Л. Даль (сын В. Даля) пытался составить перечень остатков курганов Нижегородской губернии, объехал многие местности, но древностей старше XV в. не обнаружил. Он же проводил археологические изыскания в курганах у села Саблукова, найдя в них «черепки от горшка с углями, и горшок с узорчатыми краями» (Гациский, 1884. С. 29–36).

Продуктивнее были исследования, произведенные археологом-самоучкой П. Дружкиным, которые в Московском археологическом обществе назвали «почином в систематической раскопке нижегородских курганов». Если в курганах, раскопанных близ Городца и Балахны, им были найдены все те же горшки с углем, зола и кости животных, то находки в курганах около села Малое Терюшево позволили напрямую связать курганы-мары с мордвой. По собранным П. Дружкиным легендам еще в старину около этих курганов, называемых «Мордовскими могилами», собиралось окрестное мордовское население на

моления, «приводились быки и разный скот на жертвоприношения». В курганах были обнаружены захоронения с конем, снабженные украшениями и оружием. По мнению археологов, они принадлежали мордве и были произведены не позднее XIV в. Особо отмечалось сходство обрядов погребения у волжских финнов с обрядами, описанными Геродотом у скифов (Древности…, 1885. С. 34-40).

Многочисленные легенды о кладах, спрятанных в курганах, привели к их незаконному раскопу жителями, по примеру других регионов. И если у оренбургских «маровщиков» и сибирских «бугровщиков» находки были впечатляющими, то раскопки нижегородских маров не оправдали ожидания самозваных «археологов».

В начале XX в. С. Кузнецов предположил, что большинство тех местностей, в которых курганные насыпи называются «мары», имели в древности мордовское население. Он указал, что скопление маров у мокши называется калма-ланга («погребальное поле»), и пользовалось особым почитанием у мордвы, «которая наравне с черемисами, приносила в жертву своим предкам около этих маров лошадей и быков через известные крупные промежутки времени, причем всякий раз добавлялась насыпь на курганах». Он допускал, что мары – есть родовые памятники мордовских племен. В доказательство С. Кузнецов привел строки из донесения, где говорится о том, что «мордва и черемисы съезжались в Алаторском уезде Чукалах для помина родителей… а русские люди в те поры мимо той их деревни ехали, и они по тем людем из луков стреляли…» (Кузнецов, 2017. С. 25–26).

Действительно в документах Разрядного приказа имеется донесение алатырского воеводы Дмитрия Толочанова от 20 сентября 1629 г., в котором описан данный обряд и инцидент с обстрелом из луков, случившийся во время его проведения. Очевидно, оценивая происшествие как опасный прецедент, правительство потребовало «сыскать» «много ли на том съезде мордвы и черемисы было, и наперед сего у них такой съезд бывал ли, и сколь давно и в которых деревнях, и для чего съезд был, и многие ли люди на том съезде были, и не было ли у них на том съезде какого воровского умышления?».

На допросе мордвин Андрюшка Игнатов «по своей вере и по шерти за себя и за своих товарищей» показал, что «после Великодня, на семик, был в деревне в Новых Чукалях, и в тот же день была… мольба над их родители, по вере осыпали землею – мар; а были на той мольбе Арзамасская и Нижегородская мордва с женами и с детьми… А была де такая мольба тому лет с пятьдесят и больше; а никакого воровского умышления у них не бывало… а руских людей не пускали, потому что по государевой грамоте заказ нам был, что русским людем у нас у мордвы нашего молебного питья не пить и яства не есть; а русские всякие люди тут приезжали и смотрели, как мордва по своей вере землею мары осыпали…».

При этом, если допрашиваемый А. Игнатов утверждал, что подобного моления не было у них «лет с пятьдесят и больше», то следующий допрашиваемый «деревни Старых Чукал мордвин Сустат Секшенев за себя и за всю деревню по своей вере по шерти сказал: в прошлом в 137 г., после Великодня на седьмой неделе в четверг была у них мольба у пяти деревень по своей вере, как их деды и отцы наперед делали, осыпали землею мары, а были на той мольбе их же братья мордва с жёнами и детьми, и племя Арзамасского уезда деревни Кельдюшевы Чалетка Пятов со своим племенем, да Нижегородского уезда мордвин Ботякш Лышкеев со своим родом и со племенем, да Алаторского уезда розных деревень мордва… и тутошних окольных деревень мордва, а сколько их по смете, того им не ведомо». При этом уточнил, что черемисов на молении не было, а лошадей и коров резали «на мольбу», и указал, что в прошлом году «после Великодня на другой неделе в четверг» была такая же мольба «в Алаторском уезде в дер. Ордатове, да в дер. Кечушеве, да в дер. Урусове, да в дер. Тегингееве» (Акты…, 1890. С. 296–297).

Из текста становится ясно, что общие «родовые» моления о поминовении родителей регулярно проводились у мордвы еще и в 1-й четверти XVII в. При этом дата «мольбы» была «переходящей», то есть отсчитывалась от «Великодня» (очевидно Пасхи), и в один год случалась через неделю после него, а в другой, например, через семь недель. При этом моления каждый год проводились в другом месте, но обязательным их атрибутом было «осыпание» мара. Но следует допустить, что не обязательно курган-мар имел древнее происхождение. В иных случаях такие мары создавались уже во время молений, как подобие древних могильников, там, где старейшинами было назначено моление. В свою очередь и «осыпание» маров упомянутое в документе, также могло быть подсыпкой курганов, созданных сравнительно недавно, и не служивших могилами.

Сведения о подобном мордовском обряде именно насыпания мара были зафиксированы в народных преданиях недалеко от современного села Чукалы (Республика Мордовия), где происходили события, описанные в документе XVII в. Именно в округе нижегородского райцентра Лукоянова, рядом с деревней Березовка, находится мордовская языческая святыня – курган Кшекуравай. Кшекуравай («горбушка хлеба»), как гласит легенда – небольшой холм привозной «родовой» земли, натасканной сюда представителями мордовских эрзянских родов во время общих молений. Согласно легенде Кшекуравай – центр мордовской земли и здесь проводилось главное событие для всего народа – общее моление всех верховных жрецов и старейшин общин (Эрзянские святыни…, 2023).

Привозимая на место земля указывала на многочисленность рода (чем больше холм – тем многолюдней тот или иной род), откуда и пошли, вероятно, легенды о подсчитывании

личного состава царского войска. Доставка на место моления земли из того места, где обитает тот или иной член рода, вполне символична для подобного мероприятия.

Исходя из этого, допускаем, что какая-то часть многочисленных курганов-маров разбросанных по территории Среднего Поволжья, в местах былого расселения мордвы, есть не что иное, как новодельные следы родовых молений мордвы. Этим объясняется и скудность находок внутри множества маров. Курганы насыпались на некое указанное жрецами место, а угли, косточки птиц, мелких животных и осколки глиняной посуды – единственное, что попадало внутрь.

Откуда мог возникнуть обычай «осыпания», а затем и насыпания маров? Безусловно, такой вид захоронения практиковался предками средневековой мордвы. Так, по мнению проф. П. Рыкова захоронения в курганах были присущи предкам мордвы – населению центра Восточной Европы. Исследователь отмечал тесную связь культуры мордвы с курганной культурой конца бронзовой эпохи, культуры, уходящей из лесостепной полосы в степи: «если мы примем еще такие факты как ориентировки и положения покойников в поздних курганах бронзовой эпохи и в древних могильниках мордвы, то здесь найдем много общих черт, заставляющих нас ставить вопросы о связи древнего общества людей, оставившего нам памятники бронзовой эпохи в Поволжье с мордвой…» (Рыков, 1933. С. 15–16)

Не вдаваясь в подробности этногенеза мордвы, отметим только, что, судя по приведенному выше отрывку, предки мордовских народов хоронили своих покойников в курганах. Геродотовских меланхленов, тиссагетов и андрофагов прочат в предшественников мордвы, и у Геродота есть указание, что они подобны скифам (Геродот, 1972. С. 99–101). Он же описывал и погребальные обряды скифов с насыпанием курганов. И принесением человеческих жертв. Сюда же можно отнести и другие легенды о древних правителях мордвы «панках», которым принадлежали курганы-мары. Это отголоски народной памяти о скифо-сарматских предках мордвы, о которых мы говорили в своей работе о «панках» (Малышев, 2023. С. 121–132).

Как указано выше, постепенно мордва сменила способ захоронения, отказавшись от курганов. По мнению профессора П. Рыкова именно курганное погребение соответствовало родовому строю, «когда уже начала создаваться частная собственность, когда стали выделяться отдельные люди и организовываться около сильнейших известные объединения людей, связанные позже кровными узами с этим сильнейшим. Могильники же относятся к следующему моменту развития родового строя, когда род переходит в более крупную единицу – родовую общину, когда выделяются группы людей… по признаку экономического неравенства» (Рыков. 1933. С. 46).

Так это или нет, сказать сложно. Скорее этап перехода от курганных захоронений к грунтовым должен характеризоваться целым комплексом изменений, происходящих в той или иной общности людей. И здесь экономические факторы могут действовать вкупе с факторами идеологическими и социальными.

Итак, мы можем заключить, что мордва, уже перейдя к грунтовым захоронениям, помнила, что в курганах покоятся их предки, включив подсыпку старых курганов-маров в свои обряды поминовения рода. Но истощавшее почвы земледелие требовало постоянных переселений, и мордвины-земледельцы вынуждены были оставлять старые курганы, а в местах нового поселения насыпали свозимую с разных мест обитания землю в «новодельные» мары, символизирующие собой курганы-захоронения, также подсыпая их в последующих молениях. Многочисленные остатки маров со скудным археологическим материалом являются подтверждением этой версии.

Список источников и литературы

Горбаневский М. В. В мире имен и названий. М.: Знание, 1987. 208 с.

Епанчин А. А. Топонимика Мурома и его окрестностей. Муром: Тип. «Солнечный ветер», 2014. 84 с.

Ершов В. Е. Топонимические предания, региональная топонимия юга и юго-востока Владимирской области. Н. Новгород: Тип. «Белый цвет», 2021. 171 с.

Курдин Ю. А. Образ Ивана Грозного в народной поэзии Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 150–173.

Курдин Ю. А., Курдин Я. Ю. Путь Ивана Грозного на Казань в пределах Арзамасского края // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 121–150.

Ключарев Н. П. Работные люди. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1984. 381 с.

Малышев А. В. Беседа с Фадеевым М.Е., 1946 г.р. жителем с. Теплово, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 21 января 2014 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Омельшиным А. М., 1956 г.р. жителем р.п. Гремячево, г.о. Кулебаки Нижегородской области от 19 сентября 2007 г.: из личного архива А. В.Малышева.

Малышев А. В. Беседа с Феклистовым В. Ф. 1941 г.р., уроженцем с. Наваты Пильнинского р-на Нижегородской области от 2.10. 2009 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Малышев А. В. Сообщение от Толстоухова А., 1980 г.р., жителя Н. Новгорода от 29.03.2022 г.: из личного архива А. В. Малышева.

Мельников П. И. Путь Иоанна Грозного // Незнакомый Павел Мельников (Андрей Печерский). Сост. Н. В. Морохин, Д.Г. Павлов. Н. Новгород: Изд. «Книги», 2011. С. 472–495.

Милотворский И. А. Путь Иоанна Грозного через Нижегородскую губернию во время его похода на Казань // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С. 203–223.

Миролюбов Н. К. Сказание о последнем походе Иоанна Васильевича против Казани в 1552 г. через Ардатовский и Арзамасский уезды Нижегородской губернии, с примечанием о походах его чрез другие уезды // Россия XVI века: Казанский поход Ивана Грозного. Арзамас: АГПИ им. Гайдара, 2005. С.188–203.

Нижегородские марийцы. Сост. Н. В. Морохин. Йошкар-Ола, 1994. 249 с.

Нижегородские предания и легенды. Сост. В. Н. Морохин. Горький: Волго-Вятск. кн. изд., 1971. 239 с.

Планы генерального межевания 1790 года. URL: https://docviewer.yandex.ru/view/0/?*=K1wCHzu4... (дата обращения 10.04. 2022).

Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. СПб., 1904. 380 с.

Ульянов Н. С. Изучаем историю родного края // «Кулебакский металлист» № 12. 2013.

Чернов В. Ф. Кулебаки, Велетьма, Тумалейка… Тайны географических названий. Кулебаки: МУ РИЦ «Кулебакский металлист», 2009. 64 с.